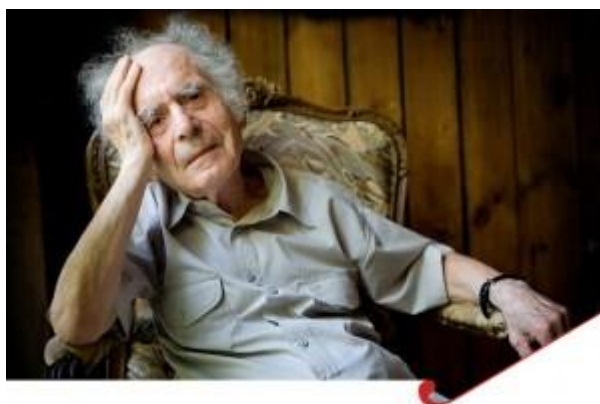

Лебединая жизнь «гадкого утенка»

(Григорий Померанц: судьба и мысли)

Григорий Соломонович Померанц покинул этот мир 16 февраля 2013 года на исходе дня. Оставалось менее месяца до его 95-летия.

Сегодня, 13 марта 2018 года, мы отмечаем его 100-летний юбилей.

«Кем же он был? Философом? Культурологом? Религиоведом?» – задаются вопросом исследователи его творчества. Сам он избегал как-либо называть себя, и если уж надо было определить, то применял слово, которое теперь и не употребляют для характеристики ученого, – «мыслитель».

Был ли он ученым? Ведь ему даже не дали защититься. Неоконченную диссертацию по творчеству Достоевского уничтожили после его ареста как документ, не относящийся к делу; написанную позднее – «Некоторые течения религиозного нигилизма» (первая в СССР научная работа по дзэн-буддизму) – не допустили к защите.

Однако теперь, после ухода Г. С. Померанца, в российских средствах массовой информации его стали называть «великим философом»¹, «пророком в своем Отечестве»², «великим человеком в самом изначальном и точном смысле этого слова»³.

«Григорий Померанц как личность, – пишет Юрий Зубцов, – был намного больше всего им написанного: и философских трудов, и книг о религии, и полемики с Солженицыным, и даже превосходных «Записок гадкого утенка». Его главным произведением стала его собственная жизнь. Не романтически-байроническое житиетворчество, а просто жизнь достойнейшего человека».⁴

¹ Новая газета. – М., 2013. – 20 февр. – С. 1.

² Богомолов Ю. Пророк в своем Отечестве / Юрий Богомолов // Российская газета. – М., 2013. – 18 февр. – С. 7.

³ Зубцов Ю. Григорий Померанц. Несколько шагов в глубину / Юрий Зубцов // Psychologies = Психология. – 2013. – № 84 (апр.). – С. 62.

⁴ Там же.

Этот тихий, деликатный, невысокого роста человек, чьи глаза и в девяносто лет светились черным молодым блеском, поистине прожил достойнейшую жизнь. И как личность. И как творец. Его богатое творческое наследие требует глубокого изучения. Его личность ничего не требует – ведь он никогда ничего не требовал для себя. Рассказать о нем как можно большему числу людей – потребность тех, кто знал и любил его.

Скажем и мы свое слово.

Жизнь Григория Померанца началась в городе Вильно⁵ (Литва) 13 марта 1918 года. Отец, Шлойме (Соломон) Померанц, работал бухгалтером. Состоял в еврейской социал-демократической партии «Бунд»⁶, за что и был выслан из Варшавы в Вильно. Там он познакомился и полюбил красавицу Полину Гинзбург. Когда они поженились, ему было 34 года, ей – 18. Родился Григорий. Семья жила в тяжелейших материальных условиях (война, Литва только-только получила независимость). У юной мамы не было молока. Мальчик погибал от голода. «И пришлось папе пожертвовать всеми своими идеями: связался с торгашами, спекулировавшими на голоде. Они его, конечно, бессовестно обсчитывали и недодавали обещанной доли прибылей, но денег хватало. Мне наняли кормилицу. Я выжил»⁷, – вспоминал впоследствии Г. С. Померанц.

Три года (1922—1925) семья жила врозь: отец – в Москве, мать с сыном – в Вильно, в 1925 году – воссоединилась в Москве. У Полины Померанц проявился талант незаурядной драматической актрисы. Она стала играть в Московском еврейском театре-студии «Фрайкунст» («Свободное искусство», 1926—1930), создателем и главным режиссером которого был ученик Е. Б. Вахтангова Борис Ильич Вершилов (Вейстерман; 1893—1957). Григорий Померанц впоследствии рассказывал, что он не пропускал ни одной постановки и обсуждал их достоинства с главным режиссером⁸.

Мальчик унаследовал внешность матери. «У меня были красивые черные кудри. Мама гордилась, что моя фотография украшает витрину ателье на Арбате, – почти так же, как своей фотографией, попавшей в американскую еврейскую газету, в подборку самых красивых евреек мира. Я тоже гордился, что мама у меня красивая и играет на сцене. Но мои собственные кудри будили зверя в мальчишках из соседнего Бутиковского переулка. За мной охотились, как за дичью. Я со страхом подходил к дому (мы жили в Зачатьевском,

---

⁵ Название столицы Литвы в те годы менялось: Вильна, Вильно, позже и до нынешнего времени – Вильнюс.

⁶ В переводе с идиша «Союз».

⁷ Здесь и далее цитируется по «Запискам гадкого утенка» Г. С. Померанца, если нет ссылок на другие книги, статьи, интервью.

⁸ Топоровский Я. Неизвестный «Фрайкунст». Человек запада / Ян Топоровский // Еврейское слово. – 2006. – № 33. – Режим доступа: <http://www.e-slovo.ru/306/8poll.htm>.

д. 9, угол Бутиковского). Налетит стайка бесенят, прижмут к забору: скажи кукуруза! А я не мог. Я до 13 лет картавил. Тогда начиналась самая увлекательная часть игры: вцепиться в мою папуасскую шевелюру и трепать ее, пока не подойдет кто-нибудь из взрослых». Так проходило его детство. Слабый интеллигентный ребенок не умел противостоять агрессии дворовых мальчишек и очень страдал от этого.

И в школе был он не таким, как все: не принимал шумной развязности сверстников, обособлялся, уходил в себя. Его замкнутости способствовал и разлад в семье. Настоящей драмой для мальчика был отъезд матери в Киев: призвание актрисы требовало уехать вместе со студией «Фрайкунст», которая была влита в Киевский государственный еврейский театр. Полина Соломоновна хотела взять сына с собой, но тот, несмотря на любовь и ощущение неразрывного единства с матерью, понимал, что отцу хуже, и остался с ним. Каково же было самому Григорию? «Одиноким в школе, одиноким дома (отец все вечера пересчитывал свои бухгалтерские ведомости). Это было очень трудно. Но, кажется, именно в одиноким отрочестве я начал принимать решения, самостоятельно выбирать свою жизненную роль»⁹. Пережитое в детстве не могло не повлиять на формирование его личности. «Я вырос человеком воздуха – без почвы, без традиций и без тоски по ним, – скажет впоследствии Г. С. Померанц. – Я доверяю только личности, раздетой от всех условностей истории, оголенной, как гол я сам. Меня захватывает и увлекает только личность. От этого, кажется, и легкость, с которой я вхожу в дух любой культуры, вижу свое сквозь любые одежды, французские или китайские. Для меня подлинно: «Всякое отечество чужбина и всякая чужбина отечество» (из христианской апологии 11 в.)».

Вернемся, однако, в детство Григория. Полина Соломоновна могла, при желании, возвратиться в Москву – во всяком случае, так поступила часть студийцев. Но семья уже фактически была разрушена. И профессионально, как актриса, мать чувствовала себя в киевском театре на своем месте. В украинской столице «остались самые способные, талантливые», – пишет театровед Моисей Лоев. В числе первых названа Полина Померанц»¹⁰. Неоднократно сын приезжал к ней, посещал ее спектакли.

О голоде на Украине мама рассказывала страшные вещи. В 1936-м она спросила повзрослевшего сына: неужели это и есть социализм? Неужели ради этого люди шли на каторгу и на эшафот? И юноша, выросший на советской пропаганде, ответил: да, конечно, ведь мы первая в мире страна, где обществу, то есть всем, принадлежат средства производства, – «и в тот же момент точка посередине груди, чуть правее сердца, просигналила: «фальшь». Люди шли на каторгу ради хорошей жизни, а ее нет как нет. Это

---

⁹ Там же. – С. 34.

¹⁰ Лоев М. Украденная муза : Киев. гос. евр. театр имени Шолом-Алейхема : Харьков – Киев – Черновцы, 1925—1950 гг. / Моисей Лоев ; Ин-т иудаики. – К., 2003. – С. 50.

было для меня открытием чакры сердца, как говорят индусы, точки, мгновенно откликающейся на подлинность и на фальшь»¹¹. Сразу рухнули все навязанные в школе представления о социализме.

Параллельно с постижением социальной правды Григория неудержимо тянуло в философию. «Мне было шестнадцать лет, я изучал тригонометрию. И обратил внимание, что тангенсоида нырнула в бесконечность, как ей и полагалось, потом вынырнула. Так мальчишка прыгает с вышки, а через несколько секунд появляется на поверхности воды. И я воспринял эту тангенсоиду как мой собственный прыжок в бесконечность. Я не был уверен, что если нырну в бесконечность, потом из нее вынырну. И это меня ужаснуло... В двадцать лет я стал значительно умнее, чем в шестнадцать... К тому же я читал подряд Тютчева, Толстого и Достоевского. В строчке Тютчева «а человек, сей мыслящий тростник» я поймал хвост мысли Паскаля, его знаменитый афоризм: «Человек слаб, как тростник. Порыв ветра может сломать его, но этот тростник мыслит. И, если даже вся Вселенная обрушится на него, она не сможет отнять у него этого преимущества»... Ужас, что вся Вселенная на меня обрушивается, снова меня охватил. Я начал искать в себе противовес»¹². «Чувство фальши» и «чувство целостной истины» открылись ему практически одновременно.

Это же чувство истины заставило его в последнем классе школы в сочинении «Кем я хочу стать» написать нестандартную и смелую для того времени фразу: «Я хочу стать самим собой». (Григорий Соломонович всю жизнь будет следовать ей.)

В 1935 году юный Померанц поступил на философский факультет знаменитого Московского института философии, литературы и искусства (МИФЛИ). Этот факультет «был кузницей партийных кадров... Несколько мальчиков и девочек из десятилеток, принятых на первый курс, выглядели, как Иванушка и Аленушка в избе у Бабы-Яги... Кадры могли уцелеть, только уничтожая друг друга, и они это поняли. Каждая ошибка на семинаре разоблачалась как троцкистская вылазка. В каждом номере стенгазеты кого-то съедали живьем. Когда Даниил Андреев описывает нравы уицраоров, это кажется фантастикой; но на философском факультете ИФЛИ делалось то же самое. Настоящий кадр должен был сожрать по меньшей мере двух-трех товарищей. Так закалялась сталь. Запах террариума был до того отвратительный, что я ходил полуотравленный, в дурмане...», – вспоминал Григорий Соломонович.

---

¹¹ Померанц Г. С. От душевного хаоса к образу и подобию / Григорий Померанц // Дороги духа и зигзаги истории / Григорий Померанц. – М., 2008. – С. 333.

¹² Выжутович В. Инакомыслящий : Григорий Померанц считает духовный труд главным условием преобразования личности : [интервью] / Валерий Выжутович // Рос. газета. – 2009. – 25 марта.

После упразднения этого факультета «за ненадобностью» Померанц перешел на литературный. Следовало выбрать отделение – русское или западное. «Моя кудрявая голова не знала того, что знает лысая. Сравнительно с философским факультетом, любое отделение литературного казалось раем». Выбрано было русское. Но там слушать особо было нечего. На лекциях Григорий садился подальше с книжкой и старался не обращать внимания на профессоров. Но вот появился новый доцент. «Слушая Пинского¹³, я впервые понял, зачем люди ходят на лекции. Этого не могла заменить никакая книга. На твоих глазах рождается мысль, факты обнажают свою внутреннюю логику, свой смысл. Перед тобой не мешок с книгами, а личность, захватывающая своей жадой точного, окончательного слова. И в то же время метод со своим чисто интеллектуальным обаянием. Личность, овладевшая методом (потом я понял: гегелевским). Ни одна старая истина не отбрасывалась. Во всем раскрывался смысл. И выстраивалась иерархия смыслов. Современники поняли «Дон Кихота» как пародию на рыцарский роман, – и они были правы. Но на более глубоком уровне – это ирония над обреченным рыцарством. А на еще более глубоком – ирония человеческого духа над самим собой, над бессилием своих порывов. Прошло примерно 45 лет, а я до сих пор помню. Ни один век не ошибался. Нельзя судить историю по двоичной логике (да – нет, истина – ложь). Каждый исторический пласт заключает в себе истину, но истины неравноценны. И задача духовной работы – установить «ценностей незыблемую скалу».

Другим учителем, оставившим след в сознании будущего философа, был Владимир Романович Гриб¹⁴. Он как-то сказал на лекции, что «у каждого уровня сознания свой поэт: для одних Расин, для других Лебедев-Кумач. Донесли; пришлось объясняться. Когда рассказывал об этом жене – выступили слезы на глазах: не ожидал предательства».

Курсовую работу Померанца «Методология творчества Достоевского» на кафедре русской литературы восприняли резко отрицательно: ее посчитали антимарксистской. Григорию непременно надо было найти сочувствие своей «заклеванной и заплеванной» работе, которую он писал «со страстью, почти со слезами». Он подошел к Леониду Ефимовичу, рассказал о скандале и попросил прочесть его курсовую. Через несколько дней Пинский ответил, что и ему, и его другу, Владимиру Романовичу Грибу, работа понравилась, и Владимир Романович берет на себя руководство его дипломной работой (для которой предложил название: «Бальзак и Достоевский»). «Только через 36 лет Лиля

---

¹³ Пинский Леонид Ефимович (1906—1981) – литературовед, педагог, эссеист. В годы учебы Г. С. Померанца в МИФЛИ – доцент кафедры истории зарубежных литератур филологического факультета.

¹⁴ Гриб Владимир Романович (1908—1940) – литературовед, педагог. В 1936—1940 гг. преподавал в МИФЛИ зарубежную литературу.

Лунгина¹⁵ рассказала мне, что Владимир Романович, прочитав мою работу, не мог заснуть и в 5 часов утра, до метро, пришел пешком с Поварской на Усачевку и попросил уступить меня в ученики. Лиле об этом рассказал Пинский; мне он этого не сказал, чтобы не будить тщеславия».

В марте 1938 года арестовали отца. Когда он вернулся с работы, оперативники уже его ждали. Он отдал своей второй жене авоську с продуктами, и начался обыск. Все бумаги были сброшены на пол, их просматривали и отбрасывали в другую кучу, ненужного. «Я увидел, – вспоминает Григорий Померанц, – в непросмотренной куче старый блокнот с адресами немецких фирм. Лет 10 тому назад папа работал у нэпмана Гиршберга, торговавшего по лицензии с Германией... Когда оперативники отвернулись (они за мной, впрочем, и не следили), я взял опасный блокнот и перебросил в другую кучу. Больше ничего, способного скомпрометировать, у нас не было».

Тем не менее отцу дали пять лет высылки в Актюбинскую область по статье 58–6: «Подозрение в шпионаже». На ноябрьские праздники Григорий ездил его проводить. Отец шепотом рассказывал сыну, что творилось на допросах. «Фактов он пересказал мне много, но выводов не делал никаких: остался честным советским патриотом».

Григорий же свои выводы делал. Он помнил голодающую крестьянку с ребенком на Киевском вокзале, которая лежала у выхода на перрон и была не в силах подняться. Он знал на примере отца, что сажать могут ни за что. Вот теперь и эти допросы с пытками... Позже он и сам пройдет лагерь. И всю последующую жизнь будет бороться с призраком Сталина, который неоднократно, уже после своего ухода, обретает зримые черты в умах несведущих людей.

В начале весны 1940 года Владимир Романович Грив внезапно умер от белокровия¹⁶. Дипломную работу Григорий защитил уже не под его руководством. В аспирантуру Померанца не взяли. До начала Великой Отечественной он работал в Тульском педагогическом институте, где успел прочесть два курса лекций. Когда началась война, вызвался добровольцем на фронт, но в военкомате ему предложили ждать повестки, поскольку он был «ограниченно годен» по зрению. Дождаться ее Григорий не стал. Придя в комсомольский комитет МИФЛИ, попросил снова взять на учет. Его послали вначале подсобным рабочим на 24-й завод – там что-то строили, потом охранять обувную фабрику. А в 1942 году отправили на фронт. После тяжелого ранения Померанц вернулся в строй и

---

¹⁵ Лунгина (в девичестве Маркович) Лилианна Зиновьевна (1920—1998) – филолог, переводчик художественной литературы.

¹⁶ «Это было заболевание крови, осложненное депрессией, которая мучила его с тех пор, как он стал свидетелем коллективизации и голода в украинской деревне, где он вырос и где мать его была учительницей» (из книги Л. З. Лунгиной «Подстрочник». – М., 2010).

оставался всю войну в действующей армии. В своих «Записках» Григорий Соломонович вспоминает много эпизодов военного времени. Приведем один из наиболее значимых.

Его прикомандировали к редакции дивизионной газеты. Под Сталинградом дали задание – поговорить с ранеными в медсанбате. «Издали, километра за два, я увидел, что совхоз Котлубань, где расположился медсанбат, стали бомбить. Я упал ничком... Никогда в жизни не испытывал такого страха!.. Я не бежал, но подняться тоже не мог. Прошло с полчаса. И вдруг рефлексия напомнила, как я сам пошел когда-то навстречу страху бесконечности и прошел сквозь страх. Если я не испугался бездны пространства и времени, неужели испугаюсь нескольких паршивых «хейнкелей»! Эта простая мысль подействовала... Я знал, что у меня есть талисман, что есть сила победить страх».

Пройдя от Сталинграда до Берлина, Померанц убедился в том, что война многих освобождала от страха. Но – как ни прискорбно – зачастую и от совести. Разрешено было рукоприкладство – даже в отношении к своим. Разрешено было вешать пленных. Мародерство и изнасилования на вражеской территории тоже поначалу не наказывались. «В Берлине, в апреле 45 года, я впервые почувствовал, что зная, под которым я сражался, запятнано. Это ударило меня так, что я стыдился своей военной формы». «Патриотизм – это сочетание гордости и стыда за свой народ»¹⁷, – сделает вывод Григорий Соломонович.

После окончания войны год дождался демобилизации. Не дождавшись, стал бомбардировать командование заявлениями, в одном из которых написал, что не считает возможным пропагандировать «Молодую гвардию» А. Фадеева как малохудожественное сочинение. Его исключили из партии «за антипартийные высказывания» и отправили-таки на «гражданку», но с «волчьим билетом». Григорий работал, где придется: техником в тресте «Союзэнергомонтаж», корректором, продавцом в «Книжной лавке писателей» на Кузнецком мосту.

Набирал силу государственный антисемитизм. Пошли в ход заявления Померанца 1946 года, – и как следствие – его арест 30 октября 1949 года. Григорий был к нему готов. Еще студентом он бросил фразу: «Лучше три года сидеть, чем всю жизнь дрожать», за которую мог поплатиться еще тогда, если бы на него донесли. А теперь, памятуя о своих послевоенных заявлениях, тем более предполагал, что его могут посадить в любой момент. «Лучше ужасный конец, чем ужасы без конца», – думал теперь он. И стал готовиться: сдал старую шинель в ремонт – пришить новые крепкие карманы, купил футляр для зубной щетки... И когда за ним пришли, страха не было. Оперативники вели обыск, а он спокойно, с аппетитом ел яблоко.

---

¹⁷ Померанц Г. С. Могила неизвестного зека / Григорий Померанц // К столетию со дня рождения Варлама Шаламова : материалы Междунар. науч. конф. / [Москва, 18—19 июня 2007 г.]. – М., 2007. – С. 17.

Предварительное заключение Григорий провел в тюрьме на Малой Лубянке. Получил по знаменитой 58-10-й статье уголовного кодекса Российской Федерации 5 лет лагерей. Отбывал их в Каргопольлаге (Архангельская область). Опыт борьбы со страхом, можно сказать, спас ему в лагере жизнь.

«Меня привезли в лагпункт в Каргополь и сразу отправили в баню... Даже в одетом виде я не очень величествен, а в раздетом похож на ощипанного цыпленка. А там всем распоряжался дневальный, здоровенный детина по фамилии Шелкопляс, который непрерывно матюгался и кричал на заключенных. На Лубянке я привык осаживать следователей, которые не имели права меня бить, и тут, видя начальника, но, не понимая, что это заключенный, уголовник – ссученный, но оставшийся по природе бандитом, – его осадил. Фраза была примерно такая: на вашем посту непрерывно матюгаться не следовало бы. Шелкопляс слышит – и приходит в бешенство. Ему, здоровенному мужику, смел перечить и подтачивать его авторитет таракан, которого он может одной рукой раздавить! Шелкопляс хватает табуретку и заносит над моей головой. А фронт приучил меня в отчаянном положении идти напролом. Я уперся глазами в его глаза и не отрываясь смотрю. Он понимает, что за убийство получит новый срок, отбрасывает табуретку, бьет меня ногой в живот – легко, не так, чтобы свалить с ног, – и выходит.

На следующий день вся лагерная интеллигенция шумела, что выпускник ИФЛИ чуть не был убит Шелкоплясом. Меня сразу заметили, и вскоре ко мне явился заключенный, бывший ученик Бухарина, а сейчас старший бухгалтер, который пользовался доверием как человек, знакомый с канцелярской работой. «Вам нравится Гегель?» – спросил он. Мы 20 минут проговорили о «Науке логики», после чего он сказал: «Ну хорошо. Я вижу, что вы справитесь с работой нормировщика». Так я попал на должность, где пробыл почти весь срок»¹⁸.

В лагере он открыл для себя классическую музыку, которая вечерами лилась из репродукторов. Чтобы послушать симфонии и концерты Чайковского, Глинки, Мусоргского, Померанц, надев валенки и бушлат, выходил каждый вечер на 35-градусный мороз и часами вышагивал вокруг столба с репродуктором.

А когда наступало лето, любовался белыми ночами и был счастлив. «...Я просто смотрел в небо. И я его видел. Впервые за много лет видел этот Божий праздник. Сердце расширялось и постигало что-то самое важное, что я понял и научился называть словами только много лет спустя».

---

¹⁸ Померанц Г. С. «58-я. Незыбтое». Справка о реабилитации / Григорий Померанц // Новая газета. – 2011. – 21 дек. – Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/gulag/50199.html>.

Еще один урок лагеря – победа над тщеславием. Григорий Соломонович любил рассказывать эту историю.

Прогуливаясь вечером по лагерному двору, двое его друзей затеяли спор: кто умнее. Григорий молчал, но про себя думал: врите, братцы, умнее всех я. Они подошли к уборной, вошли в нее. Увидев через очко копошащихся червей, Померанц вспомнил строчку Державина «Я раб, я царь, я червь, я Бог» – и понял, что мысль «я всех умнее» – это злокачественный нарост и надо избавиться от него. Вслух он сказал друзьям: «Предоставляю вам разделить первое место, а себе беру второе». Он вырвал из себя тщеславие, и это было так же больно, как вырвать здоровый зуб. «Я понял, что каждому из нас даны только осколки истины и бессмысленно спорить, чей осколок больше. Прав тот, кто понимает свое ничтожество и безграничное превосходство целостной истины над нашими детскими играми в истину».

Умение ставить себя на второе место стало краеугольным камнем его характера. Впоследствии он всегда определял для себя второе место (после любимой, после Бога). (К слову сказать, фильм о Григории Померанце, снятый на российском канале «Культура» в серии «Больше, чем любовь» в 2009 году, так и называется – «Второй».)

После смерти Сталина, летом 1953 года, Григорий Померанц попал под амнистию. В Москве жить не разрешили, и три года он преподавал литературу в средней школе казачьей станицы Шкуринская. «Я устроился учителем в одну из сельских школ Краснодарского края. Ездил по воскресеньям в Ростов, читал в библиотеке имени Карла Маркса интересные книжки. Туда – на попутной машине, обратно пешком, ночью. В четыре утра я возвращался, а уже в восемь должен был быть на занятиях».

В 1956 году Померанц был реабилитирован и вернулся в Москву. Работу долго найти не мог. Но в том же 1956-м женился на тяжелобольной женщине с двумя детьми.

Тут надо сделать небольшое отступление. В студенчестве он чуть не влюбился – в свою сокурсницу Агнессу Кун, дочь известного венгерского революционера. Но у нее сидел в тюрьме любимый муж¹⁹. Большого труда стоило Григорию перевести стихию зародившегося чувства в русло дружбы. Он с этим справился. Теперь же была, казалось бы, сходная ситуация: женщина, которую он полюбил, Ирина Муравьева²⁰, состояла в браке с его лагерным другом. Но на самом деле всё было иначе: брак трещал по швам. Чувство долга не позволяло мужу бросить жену, больную туберкулезом. И он, уезжая в отпуск, просил Григория навещать ее. Померанц стал приходить и, чтобы посещения не превратились

---

¹⁹ Гидаш Антал (1899—1980) – венгерский поэт и писатель, долгое время живший в СССР.

²⁰ Муравьева Ирина Игнатьевна (1920—1959) – литературовед, специалист по французской и датской литературе. Она – автор биографии Ганса Христиана Андерсена, написанной для серии «Жизнь замечательных людей» (1959, второе издание – 1961).

в тяжелую обязанность, предложил читать стихи. Чтение раскрыло перед ним душу Ирины. Не имело уже никакого значения, что она больна, что у нее двое детей. «Если бы она была кривой и горбатой, я всё равно бы ее полюбил»²¹. Переполюбявший ее подавленный трагизм выплескивался наружу со стихами. «...У меня не было страсти, не начинавшейся с жалости и не доводившей жалость до страстной готовности всего себя отдать любимой. Так что сострадание, восхищение великой душой, богатой, бездонной внутренней жизнью, преклонение, любовь – все росло вместе, в одном клубке. Если душа душу не захватывала, если была только жалость, то и живым лекарством я не мог стать...»

Григорий стал лекарством и счастьем для Иры. Прошло три года, ее здоровье ухудшалось. Им так хотелось верить, что счастье можно продлить, если сделать операцию... Ира умерла на операционном столе. Померанца долго преследовала галлюцинация, что он разрублен пополам... Спасло только то, что он чувствовал ответственность за пасынков. Но примириться со смертью Иры не мог. И не мог понять Бога, который допускает такое.

В это же время, во второй половине 1950 годов, произошли политические события, которые вызвали глубокий протест в душе Григория Померанца. Венгерское восстание 1956 года, направленное против просоветского режима и беспощадно подавленное советскими войсками, а затем и травля Бориса Пастернака (из-за чего ему пришлось отказаться от Нобелевской премии за роман «Доктор Живаго») произвели на Померанца очень сильное впечатление. Он стал задумываться о том, как противостоять режиму.

Вокруг него образовался полуподпольный философский семинар. Григорий объяснял молодым людям, рвущимся в политическую борьбу, что вначале надо понять, с какими идеями они хотят выступить и как сказать свое слово, чтобы быть услышанными.

На семинаре они беседовали о социальной структуре, о возможностях общественного движения, о проблеме насилия, о философских альтернативах. Иногда Померанц читал лекции по философским проблемам. Но опыт такого полуподполья был оценен им как отрицательный. Между тем в 1960 году он познакомился с Александром Гинзбургом²², который стал выпускать самиздатский поэтический альманах «Синтаксис», и его помощниками Наталией Горбаневской²³ и Юрием Галансковым²⁴. В «Синтаксисе» помещались неопубликованные стихи поэтов, в частности, впервые были напечатаны стихи Бродского и других известных ныне авторов.

---

²¹ Померанц Г. С. В сторону Иры / Григорий Померанц // Русское богатство. – М., 1994. – № 2. – С. 97.

²² Гинзбург Александр Ильич (1936—2002) – журналист, издатель, участник правозащитного движения в СССР, член Московской Хельсинкской группы, составитель одного из первых сборников самиздата («Синтаксис»), член редколлегии журнала «Континент» в 1979—1990 гг.

²³ Горбаневская Наталья Евгеньевна (род. в 1936 г.) – поэтесса, переводчица, правозащитница, участница диссидентского движения в СССР.

²⁴ Галансков Юрий Тимофеевич (1939—1972) – поэт, диссидент.

Альманах выходил в 30 экземплярах. Гинзбург раньше других понял, что можно делать, не спрашивая разрешения и не занимаясь конспирацией²⁵. Померанц принял «Синтаксис» с восторгом и охотно окунулся в собрание «живых», не просоветских стихов.

Через полгода после произошедшей в его жизни трагедии друзья повезли Григория на дачу к не знакомой ему поэтессе Зинаиде Миркиной²⁶. У него было задание от «Синтаксиса» – взять у нее подборку стихов. Первое стихотворение, которое он услышал, – «Бог кричал» – произвело на него огромное впечатление. «Бог в этих стихах страдает вместе со всеми, кто страдает, с каждой страдающей тварью. Бог представал как соучастник моего страдания, а я как соучастник Его вечности и его творческой силы».

Бог кричал.
В воздухе плыли
Звуки страшной, чем в тяжёлом сне.
Бога ударили по тонкой жиле,
По руке или даже по глазу —
по мне...

Стихотворение заканчивается так:

...Он всемогущ. Он болезнь оборет, —
Вызволит из огня
Душу мою, или, взыв от боли,
Он отсечет меня.
Пусть. Лишь бы Сам, лишь бы смысл Вселенной,
Бредя, не сник в жару...
Нет! Никогда не умрет Нетленный —
Я за Него умру.

Григорий был потрясен этими стихами и сразу принял «религию Зины». Они стали общаться, обсуждать ее стихи, и «на волне нарастающего сближения» появились первые его эссе – «Пух одуванчика» и «Язык богов». Но для Померанца «писания» не имели большого значения. Он вновь любил. Как признавался впоследствии Григорий Соломонович, ему в жизни невероятно повезло: он дважды смог испытать глубокое чувство. И не имело значения, что и Зина очень больна. Что из-за этого у них не может быть детей. В течение всех 52 лет совместной жизни он будет не только помогать ей преодолевать болезнь, выживать, но сам станет для нее «лекарством и счастьем».

Однажды, спустя год после женитьбы, Григорий признался Зинаиде: «Ты нашла себя в том, как пишешь, а я только в том, как живу, как люблю». Ему показалось, что для него большего и не требуется. Но вот «весна света в Рублевском лесу» вызвала к жизни статью «Две модели сознания», а после нее стали рождаться один текст за другим. «Незаметно для себя я стал смотреть на деревья Зиниными глазами, прислушиваться к

---

²⁵ Однако впоследствии А. И. Гинзбург трижды отбывал срок за антисоветскую деятельность, агитацию и пропаганду.

²⁶ Миркина Зинаида Александровна (род. в 1926 г.) – поэт, переводчик, сказочник, эссеист, религиовед, литературовед. До начала 1990-х ее стихи были известны только по самиздатским спискам. О ней и ее поэзии см. статью в журнале «Universitates», 2012, № 4.

ритму ветвей с любовью и откликаться, как птицы, своими словами, – но на напев, подсказанный Богом...» Писались эссе и «от колючки, попавшей в душу, от боли, которую ты сам испытал или причинил другим».

Г. С. Померанцу наконец-то удалось найти работу. Он устроился на должность библиографа вначале в Библиотеку иностранной литературы, а потом в Фундаментальную библиотеку общественных наук (ФБОН) АН СССР (ныне – Институт информации по общественным наукам Российской академии наук, ИНИОН). Библиотека открывала перед ним много возможностей. «Это было окно в Европу (а заодно в Америку и Азию)». Работая в секторе Востока, Григорий Соломонович реферировал всю поступающую литературу по данной тематике. Благодаря этому он глубоко изучил направления религиозной и философской мысли Азии, что в немалой степени способствовало его экуменистическим воззрениям, и, по собственному признанию, «привык жить вполоборота на Восток». В библиотеке ИНИОН Померанц и проработает до самой пенсии.

Днем он работал, вечерами и в выходные писал эссе. Потребность делиться своими мыслями выливалась и в устные выступления. Но началось всё... с капустников, где Померанц с друзьями – сотрудниками ФБОН – остроумно обыгрывали действительность. Досталось и культу личности Сталина, и Никите Хрущеву – ФБОНовцы даже предвосхитили его разгромное выступление против абстракционизма. «Публика наполовину состояла из читателей библиотеки; наши шутки разошлись по нескольким институтам».

А далее Григорий Померанц стал участвовать в дискуссиях, которые велись в институтах Академии наук, и пытался своими дерзновенными речами превратить их вялое течение «во что-то вроде французской банкетной кампании 1847 года»²⁷. Остроумие, недюжинные познания и творческая мысль вызвали желаемый результат: в ноябре 1965 года библиографа Померанца приглашают выступить на конференции «Личность и общество» в Институте философии. Его доклад под названием «О роли нравственного облика личности в жизни исторического коллектива», полный аттической соли и жесткой критики Сталина, произвел фурор в Институте философии. Культ личности разоблачен Хрущевым, но и сам он год назад снят, и потому его имя, как и имя Сталина, не принято было упоминать. Потому-то другие выступающие и заменяли фигуру бывшего вождя фигурой умолчания. С другой стороны, незадолго до этого газета «Правда» поместила статью видных деятелей с требованием восстановить имя Сталина в печати. Померанц, мягко говоря, не мог отнестись к этому спокойно. Его доклад был столь же блистателен,

---

²⁷ Французской банкетная кампания – это легальная форма политической борьбы, которая получила широкое распространение во Франции в начале 1840-х гг. Тогда и в Париже, и в провинциальных городах устраивались банкеты, собиравшие сотни и даже тысячи участников – сторонников реформы.

сколь и смел. Автор «обдуманно соразмерял степень дерзости, балансируя на самой черте, за которой неизбежно начинались репрессии, – но не переходя через черту».

Его речь вскоре стала шедевром самиздата, известным далеко за пределами Москвы. Многие впоследствии вспоминали, что ходящий в списках текст под названием «Нравственный облик исторической личности» никому тогда не известного Григория Померанца был принят ими с большим воодушевлением, поскольку выражал то, о чем они думали, но не находили нужных слов, не имели достаточных познаний для оформления своих мыслей. Самиздат предоставлял пытливым читателям и другие тексты Померанца: эссе «Квадрильон» и «Человек ниоткуда». Среди желающих познакомиться с их автором был и харьковчанин Борис Чичибабин. В 1970 году они с женой Лилей попали в маленькую хрущевскую квартиру Григория Померанца и Зинаиды Миркиной. Зинаида Александровна впоследствии вспоминала: «Тогда много людей приходило «на огонек» самиздатных статей Григория Померанца. Но этот приход был особый. Здесь был не только интерес, не только духовная жажда, но то чувство родства, та тяга к Главному (слово Бориса), которые связали нас на всю жизнь».²⁸

Знакомство переросло в дружбу. Завязалась переписка.

«После встречи с Лилей и нашей любви, – писал Борис Алексеевич, – встреча с вами была самым значительным событием моей жизни... По всему тому, что я прочитал из написанного вами, у меня, опять-таки за исключением Лили, не было никого роднее и ближе, чем вы...»²⁹ Свое эссе «Мысли о главном» Чичибабин начинает со слов благодарности Григорию Померанцу и Зинаиде Миркиной, которые тогда, в 70-х годах, стали его духовными вожаками.³⁰

Неоднократно Чичибабин присылал на московский огонек своих харьковских друзей, один из которых – Михаил Блюменкранц – станет впоследствии учеником и другом Григория Померанца, известным философом. (Ныне Михаил Аронович живет в Мюнхене.)

Померанц общался со многими мыслящими людьми, участвовал в неофициальных научных семинарах. О его выступлениях на семинаре, который собирался на квартире В. Ф. Турчина³¹, вспоминал впоследствии А. Д. Сахаров³²: «Наиболее интересными и

---

²⁸ Миркина З. А. Памяти Бориса Чичибабина / Зинаида Миркина // Борис Чичибабин в статьях и воспоминаниях. – Х., 1998. – С. 193–199.

²⁹ Чичибабин Б. А. Письма / Борис Чичибабин. – Х. : Фолио, 2002. – 462 с.

³⁰ Чичибабин Б. А. Мысли о главном / Борис Чичибабин // Борис Чичибабин в стихах и прозе. – Х., 1993. – С. 5–23.

³¹ Турчин Валентин Федорович (1931–2010) – советский и американский физик и кибернетик, участник правозащитного движения в СССР.

глубокими были доклады Григория Померанца – я впервые его тогда узнал и был глубоко потрясен его эрудицией, широтой взглядов и «академичностью» в лучшем смысле этого слова. Основные концепции Померанца: исключительная ценность культуры, созданной взаимодействием усилий всех наций Востока и Запада на протяжении тысячелетий, необходимость терпимости, компромисса и широты мысли, нищета и убогость диктатуры и тоталитаризма, их историческая бесплодность, убогость и бесплодность узкого национализма, почвенности»³³.

При своей «эрудиции и академичности» Померанц мог бы стать ученым. Уже была подготовлена к защите в Институте восточных языков Академии наук его диссертация «Некоторые течения религиозного нигилизма», напечатан и разослан автореферат. Однако его подпись под письмом в поддержку диссидентов³⁴ перекрыла путь в науку.

Диссертация Померанца так и не была защищена. Но вспомним случай, происшедший позднее. К режиссеру Андрею Тарковскому попали листы этой диссертации. И когда он снимал фильм «Сталкер», то дал их композитору Эдуарду Артемьеву с такими словами: «Прочти это, и тогда будешь писать такую музыку, какая мне нужна». По прочтении работы Померанца Эдуард Николаевич написал музыку, которую мы слышим в фильме.

Несмотря на то что Г. С. Померанц стал «персоной нон грата», его перо было уже не остановить. Один за другим в самиздате появляются его новые эссе. Публиковать их в Союзе никто не будет, но в Мюнхене в 1972 году его работы выходят отдельным изданием («Неопубликованное»). С 1976 года по указанию Ю. В. Андропова прекращают печатать и его научные статьи. Но эти же статьи и эссе охотно публикует зарубежная эмигрантская печать, в т. ч. журналы «Континент», «Посев», «Синтаксис»³⁵, «Страна и мир». Во второй половине 1970-х Померанц отдает свои эссе в самиздатский журнал «Поиски». Всё написанное подписывает собственным именем, не пользуясь псевдонимом.

«Писать пока не мешают. А печататься... Я уже привык, что книги печатаются спустя четверть века. Это отчасти даже хорошо: отсеивается литературная суeta. Можно ли писать в гниющем обществе? Можно. Империя, ради которой Сервантес потерял руку, развалилась, а «Дон Кихот» остался».

---

³² Сахаров Андрей Дмитриевич (1921—1989) – советский физик, академик АН СССР, один из создателей первой советской водородной бомбы. Общественный деятель, диссидент и правозащитник. Народный депутат СССР. Лауреат Нобелевской премии мира за 1975 год.

³³ Сахаров А. Д. Воспоминания : в 2 т. / А. Д. Сахаров. – М., 1996. – Т. 2. – С. 422.

³⁴ Речь идет о письме в поддержку обращения «К деятелям науки, культуры и искусства» правозащитников Ларисы Богораз и Павла Литвинова. Поводом для обращения послужил «Процесс четырёх» – дело А. Гинзбурга, Ю. Галанскова, А. Добровольского и В. Лашковой – один из самых известных политических процессов против диссидентов в СССР (январь 1968 г.).

³⁵ «Синтаксис: публицистика, критика, полемика» – журнал, издававшийся в Париже в 1978—2001 гг. под редакцией Андрея Синявского (позже – Марии Розановой). Название было перенято у одноименного самиздатского журнала, который выпускал в Москве А. Гинзбург.

70-е годы были, по признанию Григория Соломоновича, самыми плодотворными в его жизни. Многие его эссе о русской истории, культуре, выдающихся современниках, а также статьи, в которых он полемизирует с А. И. Солженицыным, войдут в расширенное издание книги «Сны земли», которая выйдет в Париже в 1985 году.

Полемика с Солженицыным длилась не одно десятилетие и касалась философии истории, народа и интеллигенции, национального вопроса, почвенничества. (Статьи Померанца «Человек ниоткуда», «Страстная односторонность и бесстрастие духа», «Сон о справедливом возмездии», «Стиль полемики» и др.; у Солженицына – «Образованщина», «Раскаяние», «Наши плюралисты» и др.)

Если со стороны Померанца – не утверждение, а знак вопроса, размышление, попытка свое мнение подать аргументированным, то со стороны Солженицына – сознание своей непогрешимости, гнев, «святой – в «Архипелаге», но в полемике, мягко говоря, неоправданный. Столь же яростен был Солженицын и в спорах с Андреем Сахаровым и Варламом Шаламовым. После многолетней полемики, подытоживая свой и чужой опыт, Григорий Соломонович делает вывод: «Стиль полемики важнее предмета полемики, важнее правоты в споре»³⁶. Для себя он выработал стиль спора – без расчета на выигрыш. Прийти к этому было нелегко. «Мои теории – не руководства к действию. И я надеюсь, что они никогда не победят». Более того: «За время моей довольно долгой жизни я постепенно научился понимать ограниченность и неполноту своих принципов, схем и необходимость противоположных идей в духе взаимного дополнения инь-ян, женского и мужского»³⁷. И более того: он перестанет участвовать в спорах.

Но в своей борьбе со сталинщиной Григорий Померанц оставался непримиримым.

После ареста правозащитницы Татьяны Великановой в конце 1979 года Инициативная группа по защите прав человека в СССР (Т. М. Великанова была одним из ее основателей) в своем «Информационном бюллетене» опубликовала эссе Померанца «Накануне юбилея Молоха», т. е. 100-летия со дня рождения И. В. Сталина. Заканчивалось оно так: «Наш общий долг – противостоять тени Сталина, которой приносятся в канун столетнего юбилея эти новые жертвы. Еще несколько голов на гекатомбу из 30, 40 или 60 миллионов». Позже по воспоминаниям коммунистки Ольги Шатуновской³⁸ Григорий

---

³⁶ Померанц Г. С. Возможна ли чистая совесть? / Григорий Померанц // В тени Вавилонской башни / Григорий Померанц, Зинаида Миркина. – М., 2004. – С. 12.

³⁷ Померанц Г. С. По ту сторону своей идеи / Григорий Померанц // Дружба народов. – 2001. – № 3. – С. 152.

³⁸ Шатуновская Ольга Григорьевна (1901—1991) – член РСДРП(б) с 1916 года. После революции 1917 года – активный член Бакинской компартии. В 1938 году осуждена за участие в «контрреволюционной троцкистской организации» на 8 лет. Срок отбывала на Колыме. В 1948 г. сослана на поселение в Енисейск, в начале 50-х гг. – в Красноярск. В 1954 г. реабилитирована. В 1956—1962 гг. в комиссии при ЦК КПСС занималась вопросами, связанными с реабилитацией репрессированных.

Померанц напишет книгу «Следствие ведет каторжанка» (Москва, 2004), повествующую об истории её жизни и борьбы со сталинизмом. Еще одна книга, противостоящая зловещей тени. Тень эта, к сожалению, не уменьшается в размерах. Она находит новые воплощения. Но маленький, щуплый, свободолюбивый человек не отводит от нее своего пристального взгляда. Как тогда, в лагерной бане, перед уголовником Шелкоплясом. Даже уйдя из этого мира, он смотрит ей в лицо глазами своих книг.

Но вернемся в начало 80-х. Публицистическая деятельность Померанца, открытая, смелая, независимая, вызывала понятный интерес у Комитета государственной безопасности. В ноябре 1984 года он был вызван на Большую Лубянку и предупрежден о применении статьи 190, части 1 («Систематическое распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский строй»). «Подписывая протокол, я набросал заявление, примерно такое: “Я не считаю свою деятельность враждебной обществу, но слишком стар, чтобы продолжать борьбу, и отказываюсь от политических заявлений. Однако я не буду препятствовать публикации моей книги «Сны земли» и статей литературного, исторического и философского характера”».

Но после того как книга «Сны земли» вышла, в мае 1985 года был произведен обыск у друга семьи Лимы Ефимовой, у которой, по сведениям КГБ, оседали экземпляры машинописи. Литературный архив Померанца и Миркиной был конфискован.

Однако наступило время, когда в СССР шли неуклонные сдвиги, начались перестройка, гласность, появилась возможность печататься не в самиздате и за границей, а в своей стране. В российской периодике философ и культуролог Померанц стал желанным гостем. Его эссе, посвященные вопросам выхода из политических и духовных кризисов современности, лягут в основу книг, которые с начала 1990-х годов начнут выходить уже не в Париже, Франкфурте-на-Майне или Нью-Йорке, а в Москве. «Открытость бездне. Встречи с Достоевским» (М., 1990), «Собирание себя» (М., 1993), «Лекции по философии истории» (М., 1993), «Выход из транса» (М., 1995), «Великие религии мира» (М., 1995, в соавторстве с З. А. Миркиной), «Записки гадкого утенка» (М., 1998), «Страстная односторонность и бесстрастие духа» (М., СПб, 1998), «В тени Вавилонской башни» (М., 2004, в соавторстве с З. А. Миркиной); «Невидимый противовес: Лекции, прочитанные на рубеже веков» (М., 2005, в соавторстве с З. А. Миркиной), «Дороги духа и зигзаги истории» (М., 2008). Некоторые из этих книг уже переизданы.

О чем его книги? Нет смысла пересказывать. Лучше привести цитаты:

«Дьявол начинается с пены на губах ангела, вступившего в битву за добро, за истину, за справедливость. Все, что из плоти, рассыпается в прах: и люди, и системы. Но

дух вечен, и страшен дух ненависти в борьбе за правое дело... И благодаря ему зло на Земле не имеет конца».

«Каждая мировая религия – колодец в глубину, где горит вечно живой огонь. Но за тысячи прошедших лет колодцы стали самостоятельными святынями, более важными, чем сама глубина... Я примкнул бы к вероисповеданию, которое скажет: мы все неудачники. Мы не преобразили мира. Но вы тоже не преобразили его. Не будем спорить, кто лучше. Мы все хуже, и все становимся еще хуже, когда воображаем себя лучше. Будем учиться друг у друга и вместе вытаскивать мир из беды».

«Темное облако, из которого на нас сыплются молнии, создали мы сами. Наше дыхание творит атмосферу, в которой начинается событие».

«Войны никогда не велись во имя зла. Только во имя своего понимания добра».

«Величайшую опасность для современной цивилизации представляет не угроза извне, а она сама, цивилизация, инерция ее развития, близко подошедшего к распаду. Если Запад останется постхристианским, постмодернистским, вялым, скептическим, ищущим наслаждений и садящимся на иглу – финансово-техническое могущество не спасет. И бесполезно тратить миллиарды на противоракетную защиту. Нужно другое – внутреннее преобразование и открытость диалогу».

«Когда прекращается шепот неба, начинает вдохновлять бес, и дьяволыщина разрастается в обществе, пока не пожрет его».

«Человек – не атом, окруженный пустотой, это узел великой сети Природы, и где бы ни вырубали леса, это рубят по нашим жилам. И еще в одну сеть мы вплетены, в сеть духа. Мы неразрывно связаны с духом Целого, рождающего из своей глубины миры природы и миры человеческой истории. Эта глубина – глубина нашего собственного сердца».

«Проблема не в терминах – традиционных для религии или нетрадиционных, – а в готовности поверить в возможность опыта, более глубокого, чем та шелуха мира, которую изучает наука, шелуха пространства, времени и материи. Чем вся шелуха, в которой человечество за последние четыреста лет добились призрачной власти».

«Мне кажется, что мои наброски представляют известный интерес. Но слишком серьезно я к ним не отношусь. Чем больше живу, тем сильнее чувствую бездну, по самому краешку которой лепятся наши мысли».

«Самое великое чужое откровение меньше, чем самое малое собственное».

Книги прочтут далеко не все. И потому Григорий Соломонович очень ценил возможность устного слова. Он охотно соглашался выступать с докладами. География таких выступлений со временем расширяется: другие города, страны СНГ, Западной

Европы. Также он читал лекционные курсы в Российском гуманитарном университете, в Университете истории культур. Аудитории, слушавшие Померанца, бывали совершенно разными – от научных сотрудников до школьников. Вспомним впечатление одного мальчика: «Он такой маленький, как гном. Но когда начинает говорить, то вырастает до огромных масштабов».

В середине 90-х Григорий Померанц и Зинаида Миркина стали вести религиозно-философский семинар в Московском музее меценатов. Слава о семинаре с годами разрасталась, и стены музея уже не могли вместить всех желающих. Лекции, прочитанные на семинарах, вошли в книги «Невидимый противовес» (М., 2005) и «Работа любви» (Т. 1, М., 2013).

С начала 2000-х годов Померанца и Миркину приглашают участвовать в телевизионных передачах. «Школа злословия», «Суть и присутствие» (беседы с игуменом Евмением), «Апокриф», передача Александра Гордона...

По словам режиссера Ирины Васильевой, снявшей десять фильмов с их участием (фильмы «Второй», «Нюрнберг, которого не было», циклы «Беседы с мудрецами», «Открытость бездне Достоевского»), Григорий Соломонович получил кафедру «громкоговoreния», т. е. возможность говорить с экранов телевидения, когда перешагнул 90-летний рубеж. Тогда их с Зинаидой Александровной узнала вся страна. «Это его удивляло и совершенно не «надмевало». На персональный сайт Померанца и Миркиной, который сделали им друзья, стали приходить многочисленные восторженные отклики. «Это и есть слава?» – удивленно спрашивал Григорий Соломонович. (К слову, фильмы, передачи и видеозаписи ряда лекций представлены на их сайте: <http://www.pomeranz.ru/video.htm>. В Интернете в свободном доступе полные тексты большинства книг.)

В 2009 году пришло и международное признание: в городе Молде в Норвежской академии литературы и свободы слова Г. С. Померанцу и З. А. Миркиной была вручена премия классика норвежской литературы, Нобелевского лауреата Бьёрнстjerne Бьёрнсона. Они стали первыми лауреатами из России.

Цикл «Открытость бездне Достоевского» был снят за год до ухода Григория Соломоновича. Когда фильмы смонтировали, диски с ними были переданы «мудрецам», и ослепший к тому времени Померанц успел их послушать. Но показа по телевидению уже не застал. Однако, вконец ослабевший, но не утративший духовных сил своих, успел надиктовать последнее эссе, где дал широкую панораму развития, а по его скромным

словам, «неполный обзор» – «деяний той неостановимой, не постигаемой рассудком силы, что зовется духом цивилизации».³⁹

Григорий Соломонович ушел из жизни 16 февраля 2013 года. Оставалось менее месяца до его 95-летия. В близком посмертии, т. е. уже через день, газеты в статьях, ему посвященных, сказали в его адрес те слова, какие он воистину заслуживает. А на прощании с ним в Доме литераторов «гадкого утенка» теперь назвали «первым лебедем».

---

³⁹ Померанц Г. О духе цивилизации / Григорий Померанц ; предисл. Зинаиды Миркиной // Знамя. – 2013. – № 9. – С. 167–172.